

Нина ЗАРУБИНА

Я – не женщина, я – журналист

Эх, судьба–индейка, какие же ты мне сюрпризы подкидывала в молодости, когда я смотрела на мир сквозь розовые очки и на полном серьезе готова была «трое суток не спать, трое суток шагать ради нескольких строчек...»

Но в Западной Сибири в те, далекие уже, 60–70-е годы трое суток шагать было некуда: сплошные болота, реки и озера, таежные дебри... Путь зачастую был один – по воздуху. И не на нынешних комфортабельных воздушных судах, а на необогреваемых в зимнее время «тихоходах» АН–2 или вертолетах МИ–4. Пока летишь, кажется, превращаешься в ледышку. У экипажа и нефтяников – теплые унты, полушубки, а ты в тоненьком пальтишке, в сапожках на рыбьем меху. Купить теплые вещи негде. На летучках на твой вопрос: «Нельзя ли через нашу «контору» приобрести теплое обмундирование для командировок?» – ответ один: «Не положено!»

Однажды я специально слетала с пилотами, перевозившими заморожен-

ные олени туши, в один из оленеводческих совхозов, спросила у бригадира, нельзя ли купить или заказать у них кисы.

– Вон, видите, олени бегают, так их ноги уже на два года вперед заказаны на кисы. Ничем не могу помочь, – ответил оленевод.

Люба Заворотчева была покрупнее меня и в командировки ездила в полушубке мужа. Благо, что могла под ним спрятать от холода «Репортер–5», отказывавшийся делать записи даже при незначительных холодах. Но за Ураем с Любой случилось презабавное ЧП. Долгонько пришлось топтаться ей на обочине дороги, пытаюсь остановить попутную машину. Водители мчались мимо, игнорируя околевавшую на морозе женщину. Наконец, один водитель сжалился, тормознул:

– Садись, сердешная. И куда это тебя понесло в твоём-то положении? – мягко упрекнул он.

Когда Люба усаживалась на сиденье, полушубок запахнулся, и водитель увидел ... магнитофон. А вскоре, ког-

да остановились у столовой, чтобы пообедать, водители хохотали чуть не до слез, обнаружив, что их пыталась остановить не беременная женщина, а репортер радио, прятавшая под полушубком свою технику. Извинялись, конечно, что мчались мимо, сгорая от стыда, но объясняли: боялись, не пришлось бы роды принимать по пути. Ах, Любка–Голубка, сколько всевозможных казусов было у нас с тобой за годы работы на радио!

Однажды я чудом осталась жива: на крутом повороте перевернулся трубопровод, транспортировавший на трассу трубы для газопровода «Вынгапур–Челябинск». В кабине, кроме меня, было еще двое пьяненьких мужчин и, надеюсь, трезвый водитель. Втроем они весили, как минимум, два с половиной центнера. От меня бы мокрое место осталось, если бы трубопровод рухнул на правый бок!

По счастью, он упал на левый, и я оказалась сверху. Подо мной лежали ошалевшие от испуга три здоровых мужика и вопили: «Открывай дверцу, прыгай!» А куда прыгать, если я лежу так, что голова – внизу, ноги – чуть не у потолка, и не за что ухватиться, чтобы дотянуться до дверцы?! И главная мысль: «Где же мой магнитофон?..» Это был просто акробатический номер! Я все же смогла открыть дверцу. Внизу – кювет, сугробы. Сбившаяся толпа мужиков кричит мне: «Прыгай, прыгай!» А я в ответ: «Ловите мой магнитофон!» Они отказывались понимать, почему я не прыгаю. Какое им дело до моего магнитофона?! А я была в ужасе: как прыгать, если такая высота? Не дай Бог, ноги переломать. К счастью, все обошлось. Меня пересадили на другой грузовик, который шел в сторону Сургута. В 3 часа ночи добрались до окраины города, меня высадили: водитель заезжать на городские улицы на таком транспорте не имел права. И отправилась я по спящему городу искать гостиницу. Вокруг – ни души. Где я? Куда идти? На мое счастье, вскоре на улице появился какой-то мужчина. Толком он не знал, где гостиница, но указал предполагаемое место. Дошла-таки... Гостиница закрыта наглухо. Бью по

двери ногами – не ночевать же в сугробе?! Наконец, появляется заспанная, раздраженная особа, объявившая, что мест нет, и вообще «нечего по ночам шляться». Удостоверение журналиста смягчило ситуацию, и я была допущена внутрь.

Из каждой командировки привозила я в Тюмень не только записи о работе передовых строителей, но и рассказы о всевозможных ЧП, случавшихся со мной. Коллеги покатывались со смеху, так как я преподносила это все с юмором, хотя порой бывало не до смеха. Трасса – это не побережье южного моря, на Тюменском Севере климат иной и жизнь другая. Значит, надо было, стиснув зубы, забыв об усталости, ехать, идти, лететь хоть к черту на рога ради нескольких минут звучания в эфире. Однажды знакомый командир экипажа АН-24 по-джентльменски решил помочь мне донести мой «походный» портфель до самолета. Подняв его, он ахнул: «Что у тебя там, кирпичи, что ли?» – «Да нет, всего лишь магнитофон, приставка к нему, кассеты и кое-какие мелочи...» – «Сергея, ты жалуешься, что носишь портфель тяжелый с картами, – говорит командир штурману экипажа, – а вот, возьми-ка ее портфельчик – не меньше 10 кг... Что запоешь?! Она,

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

в лицах

ШМАЛЬ Лидия Ивановна

(15.01.1942, г. Березники Пермской области).

Окончила Тюменский пединститут (1969).

Творческую деятельность начала в 1962 г. в Пермской области на Березниковской студии ТВ: помощник режиссера, ассистент, выпускающий. В 1965–1966 гг. – зам. главного редактора газеты «Правда» (г. Москва). С 1970 г. – в штате комитета по ТВ и РВ Тюменского облисполкома: диктор, редактор, собкор радио по г. Тобольску, старший редактор, корреспондент молодежной редакции. Вела передачи для детей и юношества – «Старшеклассники», «Горн зовет», радиоспектакли; радиопостановка «Смилга» хранится в «Золотом фонде» ГТРК «Регион-Тюмень».

хрупкая женщина, а не пицтит, что тяжело...»

Н-да, были времена! Через год после моего прихода в радиокomitee Лариса Михайловна Чернышова, ветеран областного радио, с изумлением заметила, что у меня появляются бицепсы, как у штангиста, и плечи стали шире. «Лет через пятьок штангу начну поднимать, – отшутилась я, – а

пока тренируюсь в переноске «Репортера» на дальние расстояния!»

Но тяжесть – это не главное. Куда страшней было сознавать, что на Севере, тем паче зимой, тебе негде сходить ... в туалет. Допустим, едешь в грузовике по трассе. Он идет в колонне, то и дело остановки и длительные стоянки. Мужички бегут «за колесо»:

кругом же свои. А женщина? Куда побежишь, если вокруг сугробы непролазные?! Да и летом не очень разбежишься – топи кругом... Словом, «лиха» журналистки радио хлебнули в те далекие годы вдоволь...

И все-таки, если б снова начать, я пошла бы опять в репортеры! Это была сумасшедше интересная и неповторимая жизнь!

Елена МАРТЫНЕНКО (БРЫНЗАРЬ)

Шашлык на берегу Ледовитого океана

Я пришла на работу в редакцию молодежных программ радио в 1982 году. Сейчас это время называют «застойным». До перестройки оставалось три года. В работе редакции, да и всего радио, преобладал принцип тематического планирования по рубрикам. В сетке радиовещания нам выделялось полтора часа эфирного времени в неделю. Эти 90 минут распределялись таким образом: ранним утром в среду 15-минутный комсомольско-пропагандистский «блокбастер», 45-минутный молодежный «микс» – вечером в четверг и получасовая «Пионерская зорька» – по

воскресеньям. Все темы передач были определены заранее. Менялись только адреса и участники событий. Планы писались месячные и полугодовые. Выглядело это каждый раз утомительно одинаково: доставался затрепанный сколько-то страничный «талмуд», добросовестно переписывался и ложился на стол начальству. Жизнь вносила в него мало корректив. Но поскольку мы представляли молодежную аудиторию, да и сами были молоды (мы – это руководитель редакции Саша Трушников и две девчонки-корреспондентки только со студенческой скамьи, Надя

Васькова и я), мы всячески соскальзывали с пропагандистской тропы в разные интересные, «душещипательные» истории. И в рубрике «Наследники Октября» появлялись не только комсомольские «гуру» и лауреаты различных молодежных премий, но и совершенно неизвестные «белые вороны» и «темные лошадки». Этим откапыванием самородков чаще всех «грешила» Надя Васькова. Где-то она находила этих творчески одаренных людей, молодых поэтов, художников, кулинаров и т.п. и пыталась их «пиарить» в «Наследниках». Это эмоционально разбавляло серьез-